

УДК 13
ББК 87
Ч-12

Чаадаев, Петр Яковлевич.
Ч-12 Великая Россия — благо или зло? / Петр Чаадаев, Федор Тютчев. —
Москва : Алгоритм, 2014. — 256 с. — (Философский поединок).

ISBN 978-5-4438-0829-1

Петр Яковлевич Чаадаев — русский философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за свои сочинения, в которых резко критиковал действительность русской жизни. Его труды были запрещены к публикации в имперской России. По мнению Чаадаева, представления об особой великой роли России, о ее превосходстве над Западом ведут к духовному застою и препятствуют развитию страны.

Федор Иванович Тютчев — русский поэт, дипломат и публицист. В своих публицистических произведениях Тютчев создал «учение о русской империи», наделенной особым православным характером; одной из главных идей Тютчева было создание союза славянско-православных государств под эгидой России.

В книге, представленной вашему вниманию, собраны наиболее значительные произведения П.Я. Чаадаева и Ф.И. Тютчева на вышеуказанные темы.

**УДК 13
ББК 87**

ISBN 978-5-4438-0829-1

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

П. Я. Чаадаев

**КОГДА МЫ ВНОВЬ ОБРЕТЕМ СЕБЯ
СРЕДИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?**

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Adveniat regnum tuum.

Да придет царствие твое¹.

Сударыня.

Прямодушие и искренность — именно те черты, которые я в вас более всего люблю и ценю. Судите же сами, как меня должно было поразить ваше письмо². Эти самые любезные свойства ваши и очаровали меня при нашем знакомстве, они-то и побудили меня заговорить с вами о религии. Все вокруг вас призывало меня к молчанию. Повторяю, посудите каково же было мое удивление при получении вашего письма. Вот все, что я имею вам сказать, сударыня, по поводу выраженных там предположений об оценке мною вашего характера. Не будем говорить более об этом и прямо перейдем к существенной части вашего письма.

И, прежде всего, откуда в вашем уме берется это смятение, до того вас волнующее и утомляющее, что оно, по вашим словам, отражается и на здоровье? Неужели это печальное следствие наших бесед? Вместо успокоения и мира, которое должно было бы внести пробужденное в сердце чувство, оно вызвало

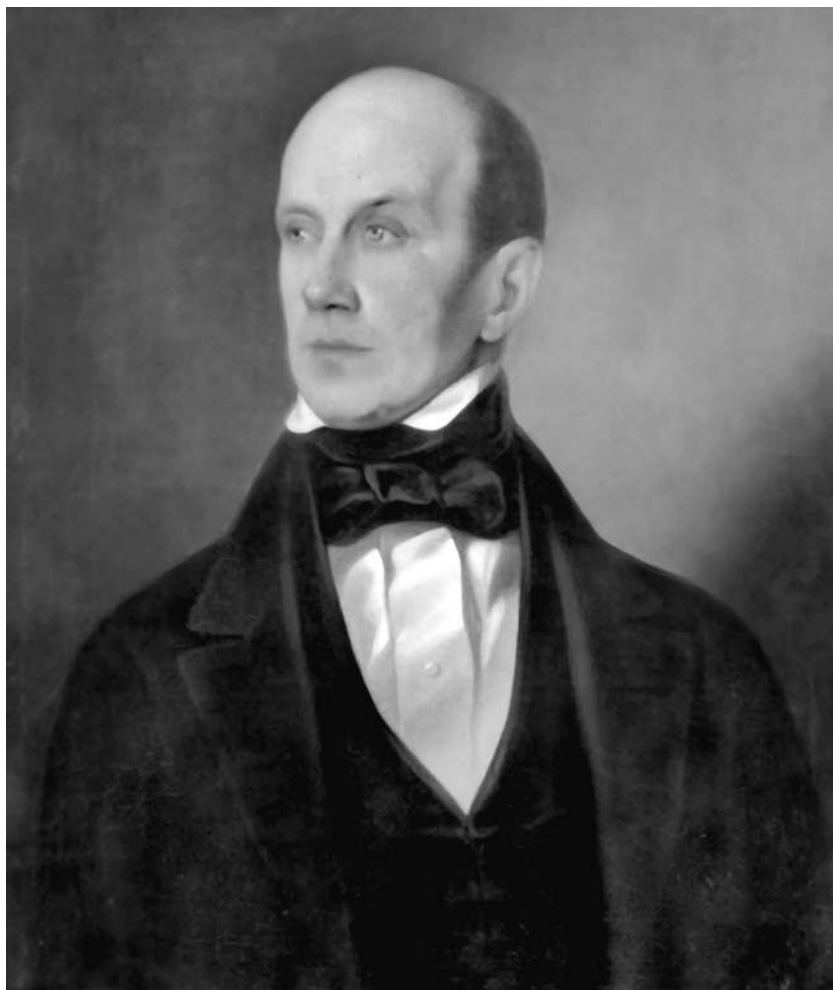
¹ Евангелие от Матфея, 6:10.

² Имеется в виду второе из писем Е. Д. Пановой к П. Я. Чаадаеву, по-видимому 1829 г.

тревогу, сомнения, чуть ли не угрызения совести. Впрочем, чему удивляться? Это естественное следствие того печального положения вещей, которому подчинены у нас все сердца и все умы. Вы просто поддались действию сил, которые приводят у нас в движение все, начиная с самых высот общества и кончая рабом, существующим лишь для утех своего владыки.

Да и как могли бы вы этому противиться? Те самые свойства, которыми вы выделяетесь из толпы, должны сделать вас тем более подверженной вредному воздействию воздуха, которым вы дышите. Среди всего окружающего вас, могло ли сообщить устойчивость вашим идеям то небольшое, что мне было позволено вам поведать? Мог ли я очистить атмосферу, в которой мы живем? Последствия я должен был предвидеть, да я их и предвидел. Отсюда частые умолчания, мешавшие убеждениям проникнуть вам в душу и вводившие вас, естественно, в заблуждение. И если бы только я не был уверен, что религиозное чувство, пробужденное хотя бы частично в чьем-либо сердце, какие бы оно ни причиняло ему муки, все же лучше полного его усыпления, мне бы пришлось раскаиваться в своем усердии. Тем не менее я надеюсь, что облака, омрачающие сейчас ваше небо, однажды превратятся в благодатную росу и она оплодотворит семя, брошенное в ваше сердце; и произведенное на вас действие нескольких ничего не стоящих слов служит мне верной порукой более значительных результатов, их непременно вызовет в будущем работа вашего собственного сознания. Смело веритесь, сударыня, волнениям, вызываемым в вас мыслями о религии: из этого чистого источника могут вытекать только чистые чувства.

По отношению к внешним условиям вам пока достаточно знать, что учение, основанное на высшем начале единства и непосредственной передачи истины в непрерывном преемстве ее служителей, только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело

Портрет П.Я. Чаадаева

в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил — в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей. Всякое иное учение, вследствие одного уже отпадения от учения первоначального, далеко отталкивает от себя возвышенное обращение Спасителя: «Молю тебя, Отче, да будут они одно, как мы одно»¹ — и не желает водворения царства божьего на земле. Но отсюда совсем еще не следует, что вы обязаны провозглашать во всеуслышание эту истину перед лицом земли: конечно, не таково ваше призвание. То самое начало, из которого эта истина исходит, обязывает вас, напротив, при вашем положении в свете, видеть в ней только внутренний светоч вашей веры — и ничего более. Я почитаю за счастье, что способствовал обращению ваших мыслей к религии, но я почувствовал бы себя очень несчастным, сударыня, если бы вместе с тем вызвал замешательство в вашем сознании, которое, со временем, не могло бы не охладить вашей веры.

Я вам, кажется, как-то сказал, что лучшее средство сохранить религиозное чувство — это придерживаться всех обычаев, предписанных церковью. Такое упражнение в покорности важнее, чем обыкновенно думают; и то, что его налагали на себя продуманно и сознательно величайшие умы, является настоящим служением Богу. Ничто так не укрепляет разум в его верованиях, как строгое выполнение всех относящихся к ним обязанностей. Впрочем, большинство обрядов христианской религии, проистекающее из высшего разума, является действенной силой для каждого, способного проникнуться выраженными в них истинами. Есть только одно исключение из этого правила, имеющего безусловный характер, — а именно, когда обретаешь

¹ Сокращенный текст Евангелия от Иоанна, 17:11. Современный полный перевод: «Отче Святой! Соблуди их во имя Твое, тех, которых Ты мне дал, чтобы они были едино, как и Мы».

в себе верования более высокого порядка, нежели те, которые исповедуют массы, верования, возносящие душу к тому самому источнику, из коего проистекают все убеждения, причем верования эти нисколько не противоречат народным, а, напротив, их подтверждают; в таком случае, но единственно в этом, позволительно пренебречь внешней обрядностью, чтобы свободнее посвятить себя более важным трудам. Но горе тому, кто принял бы иллюзии своего тщеславия или заблуждения своего разума за необычайное озарение, освобождающее от общего закона. А вам, сударыня, не всего ли лучше облечься в одежды смирения, столь приличные вашему полу? Поверьте, это лучше всего сможет успокоить смущение вашего духа и внести мир в ваше существование.

Да даже и с точки зрения светских взглядов, скажите, что может быть естественнее для женщины, развитый ум которой умеет находить прелесть в научных занятиях и серьезных размышлениях, чем сосредоточенная жизнь, посвященная главным образом религиозным помыслам и упражнениям? Вы говорите, что при чтении книг ничто так не действует на ваше воображение, как картины мирных и вдумчивых существований, которые подобно прекрасной сельской местности на закате дня вносят мир в душу и вырывают нас на мгновение из тягостной или бесцветной действительности. Но ведь это вовсе не фантастические картины: только от вас зависит осуществление одного из этих пленительных вымыслов. Вы имеете все необходимое для этого. Как видите, я вовсе не проповедую вам мораль слишком строгую: в ваших же вкусах, в самых приятных грезах вашего воображения я ищущу то, что может внести мир в вашу душу.

В жизни есть обстоятельства, относящиеся не к физическому, а к духовному бытию; пренебрегать ими не следует; есть режим для души, как есть режим и для тела: надо уметь ему подчиниться. Я знаю, что это старая истина, но у нас она, кажется, имеет всю ценность новизны. Одна из самых прискорбных

особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение. И, к примеру сказать, вы, сударыня, столь счастливо одаренная для восприятия всего доброго и истинного на свете, вы, как бы созданная для испытания всех самых сладостных и чистых душевных наслаждений, чего вы, спрашивается, достигли при всех этих преимуществах? Вам все еще приходится разыскивать, чем бы наполнить даже не жизнь, а только текущий день. Впрочем, вы совсем лишены того, что создает необходимые рамки жизни, естественно вмещающие в себя повседневные события, а без них так же невозможно здоровое нравственное существование, как без свежего воздуха невозможно здоровое состояние физическое. Вы понимаете, дело пока еще не идет ни о нравственных принципах, ни о философских положениях, а просто о благоустроенной жизни, об этих привычках, об этих навыках сознания, которые придают уют уму и душе, непринужденность, размеренное движение.

Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении. Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего

устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни вовне, ни в нас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам. И не подумайте, что это пустяки. Бедные наши души! Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложного представления о самих себе, не будем стремиться жить жизнью чисто духовной, научимся благо-разумно жить в данной действительности. Но поговорим сначала еще немного о нашей стране, при этом мы не отклонимся от нашей темы. Без этого предисловия вы не сможете понять, что я хочу вам сказать.

У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманых намерений. Люди в такое время скитаются по свету, и дух их блуждает. Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов. Они тогда неистовствуют без ясного повода, но не без пользы для грядущих поколений. Все общества прошли через такие периоды, когда вырабатываются самые яркие воспоминания, свои чудеса, своя поэзия, свои самые сильные и плодотворные идеи. В этом и состоят необходимые общественные устои. Без этого они не сохранили бы в своей памяти ничего, что можно было бы полюбить, к чему пристратиться, они были бы привязаны лишь к праху земли своей. Эта увлекательная эпоха в истории народов, это их юность; это время, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о нем составляет отраду и поучение их зрелого возраста. Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ни-

чего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

Настоящее развитие человеческого существа в обществе еще не началось для народа, пока жизнь не стала в нем более упорядоченной, более легкой, более приятной, чем в неопределенности первой поры. Пока общества еще колеблются без убеждений и без правил даже и в повседневных делах и жизнь еще совершенно не упорядочена, как можно ожидать созревания в них зачатков добра? Пока это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты в ее теперешнем виде¹. Мы до сих пор еще в таком положении.

Первые наши годы, протекшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме, и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выде-

¹ Речь идет о теории катастроф Кювье, о котором Чаадаев писал также в письме к И. Д. Якушкину.

ленные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода. А между тем именно на них основана жизнь народов; именно из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим, подобно другим цивилизованным народам, иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого мы имеем историю народов и перед нами итоги движения веков. Без сомнения, эта задача трудна, и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета; однако прежде всего надо понять, в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место.

Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от прошедших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон¹, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления. Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства. То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутренне-

¹ См.: Цицерон. Об ораторском искусстве, XXXV, 120.

го развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы.

Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. Конечно, не пройдет без следа и то наставление, которое нам суждено дать, но кто знает день, когда мы вновь обретем¹ себя среди человечества и сколько бед испытаем мы до свершения наших судеб?

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех

¹ С переводом этого места возникает трудность. Чаадаев употребил здесь глагол «retrouveront», т. е. «вновь найти», «вновь обрести», и мы так и переводим его. Гершензон и Шаховской переводят этот глагол просто «обрести» (СП II. С. 113), хотя во французском тексте приведен именно названный глагол и для русского слова, употребленного ими, существует глагол «trouveront». Но задача здесь не просто лингвистическая, а семантическая. Почему Чаадаев пишет «обрести себя вновь», если, по его мнению, Россия никогда прежде (в истории) не находила себе места в совокупном человечестве?

Небезынтересно отметить также, что в тексте ФП I, напечатанном в «Телескопе», этой строки вообще нет (СП II. С. 9).

Городская усадьба Е. Г. Левашевой в Москве
на Новой Басманной улице, где в 1833–1856 жил
Чаадаев (вероятно, что флигель, в котором
он проживал, не сохранился)

в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа носила название Христианского мира и слово это значилось в публичном праве. Помимо общего всем характера, каждый из народов этих имеет свой особый характер, но все это только история и традиция. Они составляют идейное наследие этих народов. А каждый отдельный человек обладает своей долей общего наследства, без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими. Проведите параллель с тем, что делается у нас, и судите сами, какие элементарные идеи мы можем почерпнуть в повседневном обиходе, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни? И заметьте, что речь идет здесь не об учености, не о чтении, не о чем-то литературном или научном, а просто о соприкосновении сознаний, о мыслях, которые охватывают ребенка в колыбели, окружают его среди игр, которые нашептывает, лаская, его мать, о тех, которые в форме различных чувств проникают до мозга его костей вместе с воздухом, которым он дышит, и которые образуют его нравственную природу ранее выхода в свет и появления в обществе. Хотите знать, что это за мысли? Это мысли о долге, справедливости, праве, порядке. Они происходят от тех самых событий, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека. А что вы видите у нас?

Не знаю, можно ли вывести из сказанного сейчас что-либо вполне бесспорное и построить на этом непреложное положение; но очевидно, что на душу каждой отдельной личности из народа должно сильно влиять столь странное положение, когда парод этот не в силах сосредоточить своей мысли на каком ряде идей, которые постепенно разворачивались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие